

Елена Маруфенина

**Попаданка.
Театр,
бани
и любовь**

Елена Маруфенина

Попаданка. Театр, бани и любовь

«Издательские решения»

Маруфенина Е.

Попаданка. Театр, бани и любовь / Е. Маруфенина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671697-1

Сандуновские бани. Это название на слуху у многих. Вот только не каждый знает, какая любовь была разрушена при строительстве этих бань. Любовь, которую благословила сама Екатерина Вторая. Да и Лиза Фёдорова, попав в тело Лизы Урановой, не сразу разобралась в интригах придворных. А вот что это было, сон или нет...

ISBN 978-5-00-671697-1

© Маруфенина Е.
© Издательские решения

Попаданка. Театр, бани и любовь

Елена Маруфенина

© Елена Маруфенина, 2025

ISBN 978-5-0067-1697-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синописис

Кто не слышал о знаменитых Сандуновских банях в Москве? Да и за пределами города они известны многим, кто хоть раз видел их по телевизору. Однако не каждый знает, какие страсти кипели вокруг строительства этих бань, и какая большая любовь была в них загублена.

Основатели знаменитых бань – Елизавета Уранова-Фёдорова и князь Сила Николаевич Сандунов. Сила Николаевич познакомился с Лизой Урановой в театре Екатерины Великой, где он, несмотря на своё княжеское происхождение, был комедиантом, любимчиком императрицы.

Обладательница тела Лиза Фёдорова не помнит, как они познакомились. Она каким-то образом переместилась в тело Лизы Урановой во время посещения Сандуновских бань и сразу оказалась в центре интриг придворных Екатерины.

В Лизу влюбился граф Безбородко и всеми силами старался затащить её в свою постель. Однако она отталкивала неприятного старика. Когда Безбородко силой увозит князя Сандунова в армию, Лиза решает обратиться к самой Екатерине.

По приказу царицы Силу Николаевича возвращают назад в Санкт-Петербург. И теперь уже сама Екатерина благословляет Лизу и Силу, предоставляя им для венчания придворную часовню и даря дорогие подарки.

Но Безбородко не успокаивается и продолжает добиваться Елизаветы. Друг графа Юсупов не даёт молодой паре ролей в спектаклях и даже сажает их под арест в собственном доме. Умереть с голоду им не даёт нанятая Силой служанка Дуня – не красавица с лошадиным лицом, но с очень красивыми глазами. Она через чердак носит молодожёнам продукты и точно так же относит записку подруге Лизы, Наде. Надин, актриса того же театра, что и Уранова, стала любовницей графа Хованского, чья жена служила фрейлиной у Екатерины.

Надин с Хованским и его женой снимают арест с дома Сандуновых.

Екатерина через свою фрейлину приглашает на разговор во дворец Силу Николаевича и там говорит ему, чтобы они уезжали в Москву. Потому что у неё, старой и больной женщины, нет сил, бороться с Безбородко.

Сила Николаевич и Елизавета Уранова решают ехать в Москву, тем более что так советует сама царица. Дуня, служанка, тоже хочет ехать с ними.

Когда Санкт-Петербург узнал, что Урановой и Сандунову не дают ролей, разразился большой скандал. Юсупову пришлось предоставить сцену для бенефисов Сандуновых.

После переезда в Москву Сила Николаевич бросился по частным театрам, чтобы заработать как можно больше денег. Родители князя Сандунова отказали ему в доме. Не стал встречаться с Силой Николаевичем и его брат. Они поставили ему условие: или сцена, или родственники. Сила Николаевич не отказался от сцены и задумал заработать как можно больше денег, чтобы построить невиданный доселе дом. «Каждый должен иметь за честь побывать в доме князя Сандунова» – говорил Сила.

Тогда Лиза и посоветовала ему построить бани. И рассказала, как они должны выглядеть. Князь Сандунов оценил идею, и на подаренные Екатериной деньги началась стройка.

Вот только Силу словно подменили. Он перестал ночевать дома, мог приехать с одной из любовниц к себе домой, не стесняясь, Лизы. Грубил ей. Заставлял работать и зарабатывать. А однажды толкнул с лестницы. Лиза сломала ногу и так и осталась хромой.

Бани достроили. Вот-вот должно было быть открытие. Лиза решила попариться... И очнулась в машине. Её будили подружки, с которыми много лет назад она пошла в сандуновские бани.

Был это сон или нет, но Лиза Фёдорова слегка хромала и пела так, что все учителя были в шоке.

1

– Лиза, – обратились ко мне подружки, – ну, сколько можно заниматься? Пойдём с нами отдыхать!

– Девочки, мне же нужно подготовиться к диктанту по сольфеджио. – попыталась я возразить.

Позвольте представиться: меня зовут Лиза Фёдорова, я учусь на первом курсе консерватории и мечтаю о карьере на оперной сцене. Петь я всегда любила, и родители сделали всё возможное, чтобы их любимая дочь исполнила свою мечту. В свою очередь, я стараюсь изо всех сил, чтобы облегчить их бремя обучения. Ведь консерватория – это не самое дешёвое удовольствие.

– Лиза, – настаивали подружки, – нехорошо. У Маруси сегодня день рождения, а ты всё время занимаешься. Ну что тебе – часом позже подготовишься, часом раньше. Мы идём в Сандуновские бани, это же историческое место! Возражения не принимаются, собирайся!

– Ну ладно, – отложила я учебники, – пойду с вами.

Вот это красота! Зря я, конечно, не хотела сюда идти. Я не очень хорошо разбираюсь в архитектуре, но впечатляет. Трёхэтажный дворец с бассейнами под стеклянным куполом, SPA-процедуры – великолепный СПА-центр с двухсотлетней историей.

– Ну что, девочки, – проговорила Маруся, – ещё раз в парилку и домой. Лизок, как тебе? – Я показала большой палец. – Вот, а ты идти не хотела.

– Спасибо, девочки, что уговорили. Здесь так красиво! Интересно, как они выглядели с самого начала? Надо будет почитать историю.

В парной было очень жарко, и воздух казался тяжёлым. На секунду я закрыла глаза.

– Лизка, открой глаза, упарили девку! – услышала я незнакомый голос. Меня никто, никогда Лизкой не звал. – Квасу, холодного квасу! Охте, Божешь ты мой! Выступать девке вечером, а она упарилась. Открой глазки, что же я матушке Екатерине скажу?

Я открыла глаза и огляделась. Закрывала глаза я точно не в этой комнате. Пол и стены были деревянными, вокруг сутились незнакомые женщины в длинных белых рубахах. Надо мной склонилась пожилая, тоже в рубахе, седые волосы, заплетённые в две косы.

– Ой, – перекрестилась она, – пришла в себя, угорела, милая. – запричитала женщина, – испей кваску, девки с ледника принесли.

– Где я? А девочки где? – Я села на лавку и с любопытством осмотрелась. И тут мой взгляд упал на ноги. Они были белые, можно сказать, молочного цвета. И полные. Я никогда не была полной. Глянула на руки – белые пышки. Других ассоциаций нет. – Зеркало дайте, – скомандовала я.

– Зачем тебе? – поинтересовалась женщина, но поднесла к моему лицу овал зеркала. Оттуда на меня смотрела чужая девушка. Я прикоснулась к лицу, трогаю себя. И зеркало подтвердило это. С зеркала на меня смотрела миловидная девушка с большими глазами, аккуратным носиком и алыми губками. Волосы крупными волнами лежали на плечах. Но это была не я.

– Кто я и как меня зовут? – уставилась я на женщину, не испытывая никакой паники. Мне почему-то хотелось пожать плечами: ну, не я и не я, и Бог с ним.

– Ох, тыж, упарили! – всплеснула руками женщина. – Ой, батюшки святы, что же матушке говорить-то будем? Лизонька ты Фёдорова. Вспомни. Матушка императрица тебе фамилию новую дала Уранова. Планету такую шибко учёные дядьки открыли. Матушка Екатерина и дала тебе эту фамилию на счастье. Вспомни, милая, – причитала женщина, – тебе сегодня на сцене Эрмитажного театра оперу исполнять. Вспомни. Дианино дерево. Ну?

Лиза Фёдорова – это я. Но Уранова? Ух ты! ЛИЗА УРАНОВА! Я Лиза Уранова? И я сегодня дебютирую на сцене эрмитажного театра? С партией Амура? Я? Здорово! Перед самой Екатериной Великой. Партию эту я знаю хорошо. Мы её в консерватории уже репетировали.

– Всё, не причитай, – обратилась я к женщине, – вспомнила всё, – тётка бухнулась на колени и начала креститься. – Ты только напхни, кто ты и как звать тебя. Ну, не всё я вспомнила.

Женщина покосилась на меня и сказала:

– Так Марфа я, тут в бане помогаю. Значит.

– Хорошо, Марфа, помоги мне одеться и пусть меня кто домой отведёт, упарилась я всё же.

Просто куда идти домой я и не представляла. Марфа помогла мне влезть в кучу юбок, не туго затянула корсет и помогла надеть шляпку. Всё это я бы ни за что не смогла надеть сама. Я старалась запомнить, как нужно одеваться, ведь, насколько я помню историю, у Лизы Урановой не было прислуги.

Две девицы проводили меня до театрального пансиона Казасси, где я и жила. Они передали меня на руки какой-то девчонке и, перешёптываясь, пошли назад. И было от чего шептаться! Я шла по Санкт-Петербургу, вертя головой во все стороны. Я никогда не была в этом городе, только читала о нём, и вот он, сюрприз.

Комнатка оказалась маленькой. У входа стояла небольшая печь, рядом кровать, сундук, застеленный домотканой дерюжкой. У окна – стол, рядом со столом табурет. В углу у печки на лавке – таз и ведро с водой. Вот и всё убранство. Да, я читала, что известнейшая дива Санкт-Петербурга восемнадцатого столетия жила в нищете, но чтобы так! Ладно, я хоть и не из богатой семьи, но и не нищая. Нужно это исправить.

В комнате было довольно холодно, и я решила затопить печь, а затем отправиться в театр. Надеюсь, без сопровождающих я смогу найти дорогу.

В дверь постучали.

– Лизонька, – раздался из-за двери звонкий девичий голос, – мы с девочками тебя ждём, спектакль скоро. Осталась только ты и Надин. Поторопись, мы во дворе. – По коридору застучали каблучки.

Вот и чудесно, не придётся искать театр, а уж с девочками я как-нибудь разберусь.

Интересно, почему я совсем не переживаю по поводу перемещения, странно. Ладно, потом разберусь со своими чувствами, сейчас надо идти.

Во дворе меня ждали девочки, имён которых я не знала. Но меня выручила одна из девушек, воскликнув:

– О, Надин, а Лизонька быстрее тебя всё же вышла!

– Не на много, Варенька, – ответила ей девушка, стоящая за моей спиной. Вот уже знаю имена двух человек. Осталось ещё трое.

Подхватив меня под руки с двух сторон, девушки быстрым шагом направились вдоль по улице.

– Лизонька, – обратилась ко мне девушка, имени которой я не знала, – что ты всё молчишь?

– Варя, ну, ты прям непонятливая. – Ответила за меня Надин. Вот и ещё одно имя известно. – Лиза переживает. А ну, в первый раз на такую сцену. Не трогай её. Девочки,

Дуняша, Маша, ну, что вы отстаёте? А давайте бегом. – Предложила Надин, и мы припустили бежать.

Бежать в длинных юбках, скажу я вам, то ещё удовольствие.

И вот передо мной это чудо – Эрмитажный театр. Величественное трёхэтажное здание. Я остановилась, рассматривая недостроенный фасад.

– Ну, что ты, Лизонька, – поторопила меня Надин, – опоздаем. Тебе ещё переодеваться.

– Да-да, девочки, иду, – сердце моё готово было вырваться из груди.

Слава богу, костюм амура мне помогли надеть. Я переживала, что мне самой придётся это делать. На тот костюм, что я примеряла там, в своём времени, этот не походил совершенно. Крылышки Амура были невероятно тяжелы.

– Лиза, – ко мне обратился пожилой мужчина. Присмотревшись, я поняла, что передо мной стоит старейший актёр театра. И. А. Дмитриевский. Его портрет я видела не раз. Я скромно наклонила голову. – Волнуешься, не переживай. Сходи на сцену, ещё раз пройдишь. Почувствуй её. – Дмитриевский положил руку мне на плечо. – Всё будет хорошо. – Повторил он.

Вот она сцена! Полуциркульный зрительный зал. Колонны искусственного мрамора, балюстрады и синяя обивка зрительских мест. Всё это создавало торжественный колорит. Ну, и конечно, большой занавес. На котором изображён Эрмитажный театр со стороны Невы.

Это всё настоящее! Я буду выступать здесь! От радости у меня закружилась голова.

– Лизонька, вам плохо? – ко мне подошёл Дмитриевский. – Давайте пройдёмте ко мне, я налью вам чайку. Нельзя же так волноваться! Вы же, чего доброго, сорвёте оперу.

– Иван Афанасьевич, не переживайте, всё будет хорошо, – постаралась я успокоить старика. – Пойдёмте, я с удовольствием выпью чай.

Подхватив старика под руку, я отправилась в кабинет к Ивану Афанасьевичу. По коридору навстречу нам шёл высокий и красивый молодой человек. И тут со мной что-то произошло. В горле пересохло, щёки загорелись огнём. Я не смела поднять взгляд на молодого человека, хотя мне хотелось прикоснуться к нему и смотреть не отрываясь.

– О, Сила Николаевич, – заговорил старик, – вы как раз вовремя, – он глянул на меня, по-стариковски крикнул и продолжил. – Вот Лизонька очень хочет чаю, а мне, понимаете ли, некогда, я тут вспомнил об одном деле. Вверяю её вам.

– Здравствуйте Лиза, – красивым баритоном заговорил со мной Сила. – Вы помните своё обещание?

Я запаниковала, какое обещание? Хотя я согласна исполнить любое его желание. Да, что же со мной? Сердце сейчас вырвется, дыхание учащённое. Со мной такого ещё не было. И этот голос, я готова слушать его бесконечно.

– Вы мне обещали сказать своё да или нет, – напомнил мне Сила. – Вы вчера пообещали ответить, будете моей женой или нет. Всё будет зависеть от того, как пройдёт спектакль.

– Я свои обещания исполняю, Сила Николаевич. – Ответила я, вдруг охрипшим голосом. – Вы же, я надеюсь, пришли меня послушать?

– Я готов слушать вас вечность. – Он взял мои руки в свои, наклонился и прикоснулся к ним губами. Раздался первый звонок. Пора было идти на сцену. Сила с сожалением выпустил мои руки, резко развернулся и зашагал в обратную сторону. А я поспешила на сцену. Моё первое выступление! Да ещё перед самой императрицей!

2

В зале не было свободного места – все ждали императрицу. Одним из последних в свою ложу прошёл граф А. А. Безбородко в сопровождении своих приближённых – Васьки Кокушкина и Андрюшки Судненко.

«Граф Александр Андреевич Безбородко – выдающийся российский государственный деятель, фактически руководивший внешней политикой Российской империи после ухода

в отставку Никиты Панина в 1781 году. Безбородко не отличался привлекательной внешностью: невысокий, с большой уродливой головой, его щёки свисали на воротник дряблыми брылями, а с толстых ног чулки всегда сползали неряшливыми „трюбушонами“. Однако его ум был не менее примечателен». Так описывал его В. Пикуль в книге «Через тернии к звёздам».

Наконец в зал вошла сама императрица Екатерина Вторая. Спектакль начался.

Ах, как прекрасна я была на сцене! Несмотря на тяжёлый костюм, я порхала по сцене, словно бабочка. Остановившись у ложа Безбородко, я пропела:

По моим зрелым годам
Муж мне нужен поскорей,
Жизнь пойдёт с ним веселей,
Ах, как скучно в детстве нам!
Безбородко аплодировал стоя.

– Хороша, ох, хороша. Она должна быть непременно моей, – обратился граф к своим приближённым. – Не дадим ей скучать в девстве, – противно захихикал он.

– Никаких проблем, – заверили его Васька и Андрюшка. – Всё, как всегда. Мы мигом, – и они выскользнули из ложи.

Князь Сила Николаевич Сандунов-Зандукели – грузин по происхождению, который, вопреки воле родителей, стал артистом в Московском частном театре под руководством Я. Е. Шушерина. Затем его пригласили в Петербург на службу в императорскую труппу. Именно там он встретил красавицу Лизу Уранову. Если бы он знал, как этот город изменит его судьбу!

Меня князь встретил около гримёрной:

– Вы были великолепны! – с восхищением произнёс Сила. – Ваша игра поразила всех, даже императрица аплодировала вам стоя. Лизонька, – с замиранием сердца начал он.

– Да, – прошептала я, удивляясь самой себе. Мне так хотелось быть рядом с князем, словно он был частью моей жизни. Я чувствовала, что он мне дорог. – Я согласна.

Глаза Силы вспыхнули счастьем. – О, Лиза, я самый счастливый человек на свете! Лизонька, позвольте, я провожу вас.

– Конечно, только разрешите мне переодеться, – засмеялась я и поспешила в раздевалку. Если бы я только знала, какие сюрпризы готовит мне судьба...

Мы молча шли по дворцовой площади. Оказалось, что пансион находится совсем рядом. У дверей парадной Сила поцеловал мне руку, раскланялся и ушёл.

Я хмыкнула. Вот так свидание! А где ужин? А поцелуй? Как же скучно жили люди в те времена. Я вздохнула и вошла в подъезд. Как хорошо, что я догадалась растопить печь, в комнате было тепло.

Чем теперь заняться? Ни телевизора, ни компьютера... Я вздохнула. Спать не хотелось. Так чем же занимались девицы в этом веке? Вспомнив историю, я поняла, что кроме шитья и вышивания других занятий нет.

Сняв туфли, я хотела лечь в кровать, но обнаружила дыру на чулке. Ну вот, придётся шить. Посмотрим, что есть в сундуке.

Открыв сундук, я ужаснулась – он был почти пуст. Одна рубашка, ещё одно платье, корзина со швейными принадлежностями. И всё. Да, не густо. Не пойду же я завтра на репетицию в рваных чулках. Хорошо, что мама меня учила штопать. Как они там? Может быть, я и не умерла, а какая-то часть меня перенеслась сюда, а другая сейчас сидит и учит ноты. Будем надеяться, что так. Вздохнув, я взялась за штопку.

В дверь постучали. Странно, шагов в коридоре я не слышала.

– Войдите, – пригласила я, подняв голову от штопки, – Кто там? – В ответ не было ни звука. Выругавшись про себя на нравы этого поколения, я пошла открывать.

За дверью никого не было. Только на полу лежал конверт. Наклонившись, я подняла его и открыла. Собственно, это был не конверт, а искусно сложенное письмо. Адресат я, Лизавета Уранова. А вот имя отправителя было неизвестно. Листочек приятно пах одеколоном.

Милая Лиза, – прочла я, – вы небесный талант. Готов слушать вас вечно. Надеюсь на скорейшую встречу. Ваш поклонник.

PS: Примите скромный дар. Небольшую assignats. Как доказательство моего обожания. Простите, я знаю ваше стеснение в деньгах.

У меня в руках лежала новенькая купюра в двадцать пять рублей. Чем-то купюра походила на двадцать пять рублей советского времени. Только бумага была не очень хорошего качества. Интересно, много это или мало? Что можно на них купить? В дверь опять постучали.

– Елизавета Семёновна, можно войти, – раздалось из-за двери.

Спрятав купюру за корсет, я открыла дверь. Передо мной стоял молодой человек в пышном парике. На нём был тёмно-синий кафтан, украшенный по краю золотом. Хотя нет, это, наверное, камзол, а кафтан надевается сверху. Или всё же нет? «Надо было лучше учить историю», – упрекнула я себя и продолжила осмотр гостя. Вместо брюк на нём были бриджи и гольфы – панталоны и чулки, как я вспомнила. Панталоны были в цвет кафтана. Обут он был в чёрные башмаки на небольшом каблучке, украшенные бантом с бриллиантом. Наверное, это был настоящий бриллиант, ведь в те времена ещё не изобрели стразы Сваровски. В руках молодой человек держал огромный букет.

– Базегский Пётр Александрович, – представился молодой человек. – Лизавета Семёновна, вы великолепны.

– Спасибо, – отозвалась я. – Проходите.

– Что? – смутился Пётр Александрович. – Как можно, я один. Я только хотел засвидетельствовать своё почтение и вот этот букет.

Теперь уже смутилась я. Вот балда! Неприлично девушке находиться с молодым человеком в одной комнате.

– Простите, я разучиваю арию, – поспешила оправдаться я. – Вот и забылась.

– О, ничего, это я не вовремя. Примите букет и разрешите откланяться, – вручив мне цветы, Пётр Александрович удалился.

«О Боже, эти нравы меня убьют», – вздохнула я и стала искать, куда же воткнуть этот букет. Ничего не найдя, я сунула его в таз. Столько денег потратил зря, пропадут.

В дверь опять постучали. Да что такое!

На пороге стояли двое.

– Разрешите представиться, Василий Кокушкин и Андрей Судиенко. Елизавета Семёновна, мы за вами. Собирайтесь, – сказали они.

– Куда это? – опешила я. В отличие от Петра Александровича, эти двое вели себя нагло. Вошли в комнату, заглянули в кастрюльку, где я сварила себе перловую кашу. Другой крупы у Лизы не нашлось, а поужинать надо.

– Граф Безбородко требует вас к себе, – сказал один из них, то ли Васька, то ли Андрюшка, приказным тоном. – Вы же знаете, что ему нельзя отказывать.

– Вам же скучно в вашем девстве, а граф развеет вашу скуку в своей спальне, – рассмеялся второй, то ли Васька, то ли Андрюшка.

Я не могла терпеть такое неуважение. Отступая в угол комнаты, я схватила ковш и ударила одного из них в лоб. Попала в глаз. Васька или Андрюшка схватился за лицо, а я, схватив букет, накинулась на второго и начала хлестать его по наглой физиономии. Завизжав, как поросята, они выбежали из комнаты, а я, закрыв дверь, попыталась успокоить дыхание.

В дверь снова затарабанили, и из коридора доносились крики: «Лиза! Лизанька! Что случилось?» – кричала Надин. Я открыла дверь. «О, Боже, Лиза, что произошло? Я услышала крики и прибежала», – воскликнула она. Оказалось, что Надя жила в комнате напротив моей.

– Ничего, я отбилась, – всё ещё возбуждённо говорила я. – Представляешь, граф Безбородко звал меня к себе в спальню.

– Сам Безбородко?! – ахнула Надя.

– Да нет, его прихлебатели. А кто это Безбородко?

– Лиза! Это самый могущественный человек Петербурга. Ему нельзя отказывать. Мне бы такое счастье. Он хоть и старый урод, но денег у него немеряно.

– Наденька, это не моё. У меня есть жених.

– Кто? Сила Сандунов? Я тебя умоляю. Князем себя грузинским называет. А кто это может подтвердить?

– Надин! – строго оборвала я её. – Мне всё равно, князь он или нет. Я дала ему своё согласие. И хватит об этом. Наденька, помоги мне в одном вопросе. У меня есть двадцать пять рублей, что я могу на них купить?

– Лиза! Ты меня удивляешь. Почему ты ещё здесь? Беги, сними комнату с мебелью.

– Насколько?

– Ну, если рассчитать, что надо кушать и одеться, то думаю, месяца на три, а то и четыре. А там ещё немного подзаработаешь. – улыбнулась Надин.

– Значит, задумалась я, – можно взять мебель в эту комнату и приодеться.

– О, Лиза, ты неисправима. Прима театра, а такая скромница.

– Как ты здесь собираешься принимать поклонников?

– Никак, я же тебе уже сказала, у меня есть жених. Всё, иди спать. Завтра рано на репетицию.

Закрыв за Надей дверь, я осмотрелась. Комната и вправду была убогая.

Его сиятельство граф А. А. Безбородко ужинал, когда к дому подъехала карета с В. Кокушкиным и А. Судиенко.

– Пригласи их, – величественно приказал граф лакею.

Андрюшка и Васька вошли в столовую, где их глазам предстал стол, уставленный яствами. Они сглотнули слюну, представляя, как бы с удовольствием отведали жульен или рябчика, начинённого черникой, брусникой и клюквой, или колбаски, жаренной на масле. Или, на худой конец, вчерашних щей, которые стояли на столе нетронутыми. А уж три графина с вином точно бы остались пустыми, если бы граф пригласил их за стол. Однако Безбородко и не подумал о том, чтобы накормить своих прихлебателей.

– Ну, – грозно глянул он на друзей. – Каков ответ? А с рожами то, что? – Наконец обратил он внимание на Андрюшку с Васькой.

«– Кобенится, – объяснили они гордость певицы. – Сама чулки штопает, на ужин кашу варит из перлов, а кобенится.» – Цитата В. Пикуля из книги «Через тернии к звёздам».

– Хм, значит, не дура. Ладно, заплатим. Это только дуры с девственностью расстаются даром. Всё одно будет моей. Ох, Лиза, Лиза, – пропел Безбородко. – Ступайте на кухню, велите Авдотье накормить вас. Ну и рожи. Кто отдал то вас?

– Так девка, Лизка, стервь! – Пожаловались друзья высокому начальству.

Граф беззвучно рассмеялся, при этом его брыли и живот колыхались в разные стороны.

3

На следующий день, в полдень, когда репетиция уже закончилась, в комнату, где переодевались девушки, постучал Пётр Александрович Базегский. Девушки начали шуметь, замахали руками и попросили его подождать.

– Девочки, я не могу ждать, я привёл своего куафёра, как и обещал, – раздалось из-за двери. – Впустите мастера.

– Ох, Пётр Александрович, – промурлыкала Надин, – знаете вы, как развеселить бедных девушек. Пусть заходит.

В комнату вошёл невысокий мужчина с огромным саквояжем в руках.

– Милые дамы, у меня есть великолепные парики и пудра к ним. Пётр Александрович всё оплатил.

Девочки тут же кинулись к саквояжу. Я же, подняв глаза, увидела Силу Николаевича, который стоял в дверях и смотрел на девушек с явным недовольством. Однако, заметив меня, его лицо смягчилось, и он улыбнулся.

– Лизонька, – заговорил он, подойдя ближе, – у меня сегодня спектакль. Я надеюсь, вы будете?

– Конечно, – согласилась я, лихорадочно соображая, где же будет проходить спектакль.

– Лизонька, – продолжил Сила, – могу вас поздравить, мне прибавили жалование – 700 рублей в год. Вот хорошо, я смогу снять для нас дом побольше.

Как интересно я должна была отреагировать? В своё время я бы кинулась на шею любимому и расцеловала его. Но здесь я не могу так себя вести. Я скромная барышня, которая не прочь посмотреть, что же лежит в этом саквояже. Парики меня не волнуют, а вот заколки... Я скромно потупила глаза, интуитивно выбрав правильное поведение.

– Сила Николаевич, – возмутилась Надин, – мы заняты, увидимся вечером. Я с Лизонькой непременно буду в театре у Карла Книпера на вашей премьере.

– Я жду, – улыбнулся Сила и вышел из комнаты.

– Лиза, тебе не нужны заколки?

– Ещё как нужны! – воскликнула я и взяла в руки коробочку со шпильками. Какая красота, все шпильки были украшены камнями, искусно сделанными цветами, бусинками и бантиками. Я хочу всё. Интересно, за чей счёт?

– Варя, – обратилась я к своей соседке, – кто оплачивает все эти расходы?

– Лиза, ты, как всегда, витаешь в облаках. Наш благодетель – Пётр Александрович, сын самого богатого купца в России. Он даёт своему сыну деньги на обучение, но я не помню, где именно он учится. А Пётр Александрович часто бывает в театре. Ну, здорово же! У меня жалование 200 рублей в год. Я себе такие дорогие парики позволить не могу. – произнесла Варя, примеряя густо напудренный парик.

– И зачем он тебе нужен? – спросила я, чихнув, чем вызвала смех у девочек.

– О! – Варя закатила глаза. – Почему ты такая старомодная? Сейчас в моде парики. Месьё кауфёр, – обратилась она к цирюльнику, – я выбираю вот этот. Можете меня брить.

– Брить? – я с удивлением уставилась на Варю. – Ты что, хочешь стать лысой?

– Как, по-твоему, я должна носить парик? – с раздражением ответила девушка. – Он же сползёт.

– Лиза, – рассмеялась Надин, – ты словно не в этом мире живёшь. Нынче в моде изменять себя. Смотри, я себе взяла белила и мушки. А ещё мне нужно брови ниточкой подщипать. Ой, как тебя, Распотто, – обратилась Надя к цирюльнику. – Мне надо брови по последней моде.

«Да, – подумала я, – если бы был изобретён ботокс, они бы его сейчас и кололи. Ничего не изменилось».

Первой цирюльник освободил Надин. Брови он ей выщипал красиво, используя маленький пинцет. И немного подбрil опасной бритвой. Как я поняла, уход за бровями с веками не изменился.

– Как я тебе? – спросила меня Надя. – Пойдём в кухмистерскую, девочки ещё долго будут, а кушать хочется. А ещё я сильно писать хочу.

– Я тоже, но домой в ретирадник далеко.

– Вот ещё, я и не добегу. Эх, вот бы собственное бурдалю приобрести, – мечтательно проговорила Надя. – Слушай, а у меня идея. Булавки с камнями, что взяли в коробке, обменяем на бурдалю. И будем, как светские дамы ходить с собственным. Не надо будет задира́ть юбки за углом. Пошли.

Я читала, что в царской России с общественными туалетами было затруднение. Вернее, их не было вообще. Естественные нужды справляли, где придётся. Например, в нашем пансионе, чтобы не ходить каждый раз на улицу в ретирадник (деревянный туалет), нужду справляют прямо на лестнице чёрного хода. Запах стоит ещё тот. И никого не смущает, проходят спокойно мимо человека, сидящего на помойном ведре. У меня в комнате тоже стоит ночная ваза. Можно сказать, комната с удобствами.

Надин повела меня на Невский проспект. Не знаю, как он выглядит в наше время, а в восемнадцатом веке он блистал великолепием магазинов, кондитерских, гостиниц. Сквозь зеркальные стёкла видны чепчики, английские гравюры, детские платья, конфеты, хрустальные скляночки, искусственные цветы, парижские куклы, поддельные зубы и многое другое.

Тротуары Невского проспекта были вымощены мягким гранитом, на котором виднелись канавки, от бесчисленных ног гуляющих. Моё внимание привлекло движение транспорта. Да! Транспорта: кареты, пролётки, телеги и тележки, запряжённые шестёрками, тройками и парами лошадей. Движение было настолько интенсивным, что в наше время мы бы сказали: «Как в Москве».

На ту сторону пройти проблематично. Я остановилась, обратив внимание на извозчиков в жёлтых куртках. А если на нем не жёлтая куртка, то обязательное жёлтая шапка или повязка на рукаве того же цвета. Я хихикнула вслух. Такси. Точно такси. Вон какой-то мужчина поднял руку, останавливая пролётку. Надо шашечками лошадей украсить. Я опять прыснула.

– Лиза, что с тобой? Ну, что за несносная девчонка! Опять стоит сама себе, хихикает. – Надин подошла ко мне. Я попыталась придать лицу серьёзное выражение. – А мне показалось тебе весело. Ты тоже слышала?

– О чём ты говоришь? – спросила я.

– Тётка сегодня рассказала, что вчера здесь на полном скаку сбил даму какой-то гусар. Это просто ужасно. Скоро мы совсем не сможем ходить по улице, будут одни кареты и верховые. Ну, пойдём, я хочу есть.

Надин затащила меня в переулок. Мы спустились в подвал и оказались в душном и тёмном помещении, где пахло, как в столовой. После яркого солнца на улице, глаза не сразу привыкли к полумраку. Осмотревшись, я увидела небольшую залу, заставленную столами, застеленными клеёнкой, на четыре и шесть человек. Справа от двери находилась стойка или прилавок, а перед ней – большой высокий стол, на котором стояли наполненные миски. Надин стояла перед этим столом, разглядывая тарелки. Я подошла к ней.

– Ну что, что выбираем? – спросила она. Перед ней стояли щи, уха, лапша, каши трёх видов, жареное мясо, квашеная и тушёная капуста, грибочки, огурчики, варёная, жареная и тушёная в сметане рыба. Я поняла, что это меню.

– А тушёная капуста с чем? – спросила я у продавца или бармена.

– С гусем, барышня, только из печи, рекомендую.

Я кивнула и взяла это блюдо. Я знаю, что это вкусно, моя бабушка готовила его на праздники. Особенно вкусна не сама птица, а капуста, пропитанная гусиным жиром и специями. Это был вкус детства.

– Лиза, что будем заказывать домой? – спросила меня Надин. – Щей обязательно. На завтра они будут самыми вкусными. Что ещё? Гречневую кашу и простоквашу.

– А картошка у вас есть? – вмешалась я.

– Это что? – спросила Надя, с удивлением глядя на меня.

– Нет, барышня, её плохо заказывают, не любит народ это земляное яблоко. Я и не беру. Если хотите, можете сходить на сытый рынок, там она есть. А готовить сама будешь, коль сумеешь.

– Сумею. Я её вкусно готовлю. Тогда ещё домой грибочков и огурчиков.

– На двоих? – Поинтересовался продавец.

– Да, доставишь к полудню, в пансион Казасси. Там девка малая, Алёнка, скажешь для Урановой.

– Ой, – всплеснул руками мужчина, – как же, был, слышал, ох и поёте вы ангельским голоском.

Я смутилась, а Надя потянула меня за столик. Он как раз освободился у стены.

– Когда получу жалование, куплю здесь абонемент на месяц. Отдам десять рублей, зато точно буду сыта. Ещё и сэкономлю чуть больше рубля. – говорила Надя, пока мы ждали заказ.

Подошёл половой. Мне поставили глиняную миску с ухой, перед Надей – со щами. На столе стоял в корзинке хлеб, в маленькой миске сметана. Соль и перец были в небольших сосудах.

– Чем будете запивать? – поинтересовался половой.

– Мне яблочной ухи, – заказала Надя и посмотрела на меня, я кивнула, мол, мне тоже. Что за яблочная уха? Попробуем.

Пока мы ели первое, половой принёс весь заказ, а потом положил передо мной большую плюшку.

– От хозяина, презент, так сказать. Уж очень он вами восхищён.

– Везучая ты, Лиза, – причмокнула губами Надя, – а вообще, мог и бесплатно накормить. Вон, принёс писульку. И сколько мы там наели? – Надя поднесла листочек к глазам. – Нормально, по тридцать пять копеек. У кладбища, говорят, кухмистерская дешевле. Говорят, там за двадцать копеек поесть можно. Но только если поминки, тогда ждать придётся. Да и далеко это. Пешком долго, а пролётку заказать так: то на, то и выйдет.

Слушая Надины рассуждения, я хлебнула ухи из яблок и чуть не подавилась смехом. Обыкновенный компот, ещё и без сахара. Плюшку мы решили забрать домой.

4

После непродолжительной прогулки по закоулкам Надя привела меня на шумный рынок. Здесь было настоящее царство фруктов и овощей. Как вы думаете, кто продавал сухофрукты? Загорелые мужчины с чёрными усами и характерным акцентом – ничего не меняется в этом мире.

Один мальчишка громко зазывал покупателей:

– Китайский шёлк, китайские рубахи, покупайте китайские рубахи!

И здесь повсюду был Китай.

Картошку я обнаружила в одном ряду с капустой. Дородная тётка объясняла кому-то, как готовить картофель.

– Мне нужно десять килограмм, – обратилась я к тётке.

– Чё? – уставилась она на меня. – Пуд бери. Земляных яблок надо? – ткнула она пальцем в картошку.

Я кивнула.

– На кой она тебе? – возмутилась Надя. – Сколько пуд?

– Пятнадцать копеек, недорого прошу. Мало кто умеет готовить, а барышня понимает толк, я вижу.

– Понимаю, – согласилась я. – надин, сегодня такой ужин будет, пальчики оближешь. Сковородку и масло. Веди, где купить.

– Куда яблоки то доставить, мальцу копейку дадите?

– В пансион, Лизе Урановой, – произнесла Надя, внимательно глядя тётке в глаза. Та на мою фамилию никак не отреагировала.

Заплатив за картошку и подарив мальчишке монетку, мы отправились дальше.

Надин уверенно вошла в одну из лавок. Чего здесь только не было! Платки, отрезки тканей, разнообразные фигурки, полки с глиняной посудой, цинковые стаканчики, оловянные

ложки. И тут Надя увидела бурдалю – они стояли на полочке, медные, цинковые, фарфоровые и фаянсовые. Красиво разукрашенные, с ручками и без.

Взяв один из них и заглянув внутрь, Надя зарделась, хихикнула и, протянув мне сосуд, показала на надпись на дне: «Он тебя видит, шалунишка».

Надин снова хихикнула и поставила бурдалю на место.

– Дорого будет стоить, серебряный, – сказала она и обратилась к лавочнику: – Сколько стоит вот этот бурдалю?

– Пятьдесят копеек, – безразлично ответил он, сразу определив в нас небогатых покупателей.

– А поменять можно, допустим...

– Не надо менять, – перебила я Надин, – мы берём два. И вон ту сковороду, пожалуйста. И, повернувшись к Наде, зашептала: – Зря мне деньги подарили? Немного потратим.

Лавочник принялся упаковывать товар.

– Мой не надо, я его сейчас же испытаю, – сказала Надя и, отойдя в угол, ловко сунула бурдалю под юбку. Немного постояв, вынула его и пошла, выплескивать содержимое в придорожную канаву. Ну и нравы! Лавочник не обратил никакого внимания на действия Надин. А мне почему-то представилась Констанция, как она перед д'Артаньяном ловко суёт себе под юбку бурдалю, а тот распевает «Констанция, Констанция». Ну, конечно, я утрирую. За уголок она спрячется.

– Ой, Лиза, спасибо! – воскликнула Надин, чмокнув меня в щёку. – Теперь мы с тобой настоящие дамы! Я вышию для тебя и себя красивые сумочки для бурдалю. А зимой можно будет прятать их в муфту.

За разговорами мы не заметили, как дошли до дома. У парадной нас ждал молодой человек в красивом костюме, с сердитым лицом. Рядом с ним в нерешительности стояла Алёнка, дочь нашего дворника. Увидев нас, она заулыбалась и, сказав что-то господину, отскочила в сторону. Он же решительно шагнул нам навстречу.

– Сударыня! – грозно начал он, обращаясь ко мне. – Долго вас ещё ждать? – И, не дав мне раскрыть рта, сунул в руки письмо, развернулся и ушёл. Я стояла с письмом в руках, не понимая, что происходит.

– Что? – подбежала ко мне Надин. – Что за письмо? О! Сургучная печать! Лиза! – почти шёпотом выдохнула она. – Это от матушки Екатерины! Пошли быстро в комнату. – потянула она меня за рукав.

Зайдя в комнату, я бросила свёртки на кровать и, не раздеваясь, открыла письмо. На руку мне упал перстень и стопка ассигнаций. На плотной, хорошо пахнущей бумаге было написано: «Вчера пела о муже, то бы никому, кроме жениха своего, перстень сей не отдавала». И аккуратная подпись Екатерины.

Я стояла и не могла поверить своим глазам. У меня в руках настоящее письмо Екатерины Великой!

– Лиза! – Надин сидела на моей кровати и держала в руках деньги. – Триста рублей! Вот это да! А в письме-то что? Деньги будешь принимать?

– От государыни письмо и деньги она прислала, – как во сне проговорила я.

– Лиза! – только и проговорила Надин, прижав руки к груди и глядя на меня влюблёнными глазами.

В чувство нас вернули громкие шаги в коридоре. В комнату без стука вошли Андрей и Василий, неся в руках полные корзины конфет.

– Вот, ваша светлость, граф Безбородко просит принять его, – с поклоном поставили они корзины на пол.

– Зачем? – удивилась я. – Разве я не ясно дала понять, что не приму подарков от графа? Алёнка! – крикнула я в коридор. Девочка, словно ждала моего зова, появилась в ту же секунду.

– Звали, барыня?

– Не барыня я тебе, конфет хочешь? Вот, обе корзины твои. – Девочка переводила взгляд с меня на корзины, не веря своему счастью. – Бери, говорю. Давай быстро. – Схватив огромные корзины, девчонка кое-как потащила их по коридору. «Надорвётся ещё», – почему-то подумалось мне. А Васька и Андрейка стояли и хлопали глазами.

– Ну, чего встали? Бегите, доложите своему сюзерену, что я сделала с его подарком. Я надеюсь, понятно. Не принимаю я подарков от графа, так и передайте.

Растерявшиеся прихлебатели молча развернулись и ушли. Наверное, никто ещё так с их графом не поступал.

– Ну, ты Лиза! – только и смогла выдохнуть Надин. – Девочки из труппы мечтают о таком покровителе, а она вон его гонит.

– У меня другой покровитель, – потрясла я письмом. – Что мне какой-то граф?

– Не скажи, – вздохнула Надя. – Жизнь он может испортить.

В коридоре опять раздались шаги, дверь в комнату так и не закрыли.

– Ну, кто ещё, – грозно проговорила я, думая, что это прислужники графа.

В проём двери сунулась голова мальчика и опять спряталась.

– Так это, я яблоки принёс, вы купили, земляные. Вот, – лепетал он с коридора.

– Заходи, – мы с Надин рассмеялись. – Молодец, вот тут поставь. – Достав из кошель монетку, я поблагодарила мальчика и закрыла за ним дверь. Смеяться с Надей мы не переставали.

– Ну, конфеты приняла? – спросил Александр Андреевич, стоя на крыльце своего дома. Когда туда с докладом направились Андрей и Василий, он был в хорошем расположении духа.

Следует отметить, что молодые люди были из богатых семей. Василий Кокушкин был основателем знаменитой купеческой фирмы в Петербурге, а Андрей Судиненко – родоначальником богатейшей дворянской фамилии на Черниговщине. История умалчивает, почему они прислуживали графу, но, вероятно, это было их способом пробиться ко двору.

– Девке дворовой отдала, – вздохнули они в ответ.

– Во, язва, – с восхищением проговорил он, – но ничего, не устоит.

– Лизонька, ну что ты, собирайся! Нам же ещё на спектакль к Силе Николаевичу. – торопила меня Надин, пока я чистила картошку. Как же мне хочется жареной картошечки! Как только вернёмся со спектакля, сразу же пожарю.

– Я уже заканчиваю. Потом сама меня будешь благодарить. Надя, а как ты знаешь время? Где часы?

– Ты чего? Мимо ходим. Ну, ты меня иногда просто удивляешь. – всплеснула руками Надин.

– И удивляйся. А часы мне покажи.

– Да покажу, как маленькая, в самом деле, – хмыкнула она, надевая шляпку. – Лиза, я сейчас хоть и не вижу время, но точно знаю, что опоздаем. Впрочем, тебе оправдываться перед женихом. Чай не императрица, чтобы ждали.

– А часы-то где?

– Господи, да на Крестовском острове есть, на колокольне церкви Святых апостолов Петра и Павла. Ещё по пути в Петергоф двадцать семь столбов и по пути в царское село двадцать два столба. Летом обязательно прокатимся, посмотрим на них. Зачем они тебе нужны? – возмущалась Надин.

– Интересно. Примерное-то время знаю, а как определить точное?

– Ещё чего, точное-то тебе зачем. Не морочь голову, до полудня и от полудня, живот подскажет.

– Живот неверно подскажет. Вот ты, как определила, что мы опаздываем, – не сдавалась я.

– По солнцу, – Надин сердито подняла руки вверх. – Видишь, солнце к закату, спектакль скоро. Часы тоже солнечные, дались они тебе. На Крестовском в виде одуванчика, на колокольне в виде спирали. Ну, а столбы и есть столбы. Всё довольна. Можно подумать ни разу не видела. – Сердилась Надин.

А я же не скажу, что ни разу не видела. Откуда? До нашего времени сохранились только столбы, и то штук пятнадцать. А циферблат вообще, кажется, на одном.

5

До театра мы бежали, но успели вовремя. Сегодня давали комедию Княжнина «Чудаки», и Сила Николаевич играл роль слуги Пролазы.

Сила Николаевич был великолепен на сцене, и зал аплодировал стоя. Его комическое амплуа быстро покорило сердца зрителей. Дамы млели от восторга, когда он обращал на них внимание.

По окончании спектакля мы с Надин отправились за кулисы, чтобы увидеть Силу. Однако нас встретил бойкий малый и передал мне записку. В ней Сила Николаевич извинялся, что не может сегодня встретиться со мной, так как приглашён на ужин к одной очень богатой даме. И обещал завтра, после моего спектакля, отвести меня в кондитерскую Вольфа и Беранже.

– Издержки профессии, – хмыкнула Надин. – Интересно, когда вы поженитесь, он так же будет ездить на званые ужины?

– Надя! Сама же знаешь, иногда нет возможности отказаться.

– Знаю, поэтому и не выйду замуж за актёра, – вздохнула Надин. – Пока ни за кого не выйду, не за кого, – хихикнула она.

А дома меня ждал сюрприз. У дверей стоял лакей.

– Барышня Лизавета Уранова? – поинтересовался он. Я кивнула. – Тогда это вам, – лакей указал на кучу свёртков и коробок. Ничего не понимая, я спросила, от кого они. В тайне надеясь, что всё это прислал мне Сила и про ужин он пошутит.

– Граф Безбородко Александр Андреевич, – ответил лакей и протянул мне красивый футляр, обитый бархатом. Открыв его, я обнаружила кольцо с бриллиантами.

– Ну, это уж слишком! Сейчас же всё заберите и верните графу. – Я решительно прошла мимо подарков в парадную и закрыла перед опешившимся посыльным дверь.

– Лиза, как ты можешь? – удивлялась Надя. – Там столько всего!

– Я могу! Не хочу зависеть от этого старца. Он тебе нравится? Вот и сделай всё, чтобы он обратил на тебя внимание.

– Мне не он нравится, мне нравятся его подарки. Я как-нибудь потерплю его.

– Надя, всё, закрыли тему. Я картошку жарить буду, а ты девочек позови, сейчас будет званый ужин. Я приглашаю.

– Лиза, мы и не знали, что ты такая рукодельница. И где только научилась? Насколько мы помним, в пансионе не учат готовить, – нахваливали девочки, кушая жареную картошку, или, как здесь называют земляное яблоко.

– Подсмотрела, где-то и не помню. Вкусно же. Какая разница кто научил, – вот тут я оплошала. Действительно, не учат в пансионе готовить кушать. Учили петь, играть на инструментах. Французскому, который, кстати, я совершенно не знаю. А Лиза Уранова, настоящая, на нём общалась великолепно. Но пока мне везёт. По-французски со мной ещё никто не общался. А, ещё учат флиртовать с мужчинами. Оказывается, это целая наука. Надо что-то придумать насчёт языка. Может, Надин как-то поможет?

– Ну, всё, девочки, расходимся. Завтра рано на репетицию. Кто первый будет стоять во дворе, тот займёт столик у окна, – проговорила Варя, выходя из комнаты.

– Да ты же и будешь первой. Только грим завтра не накладывать, так репетицию проведём, – смеясь, девочки разошлись по комнатам. А я осталась мыть посуду. Да, то ещё занятие.

Ни тебе моющего, ни проточной воды. Горячую, нагрею. А посуду мыть буду в тазу, где умываюсь. Хорошо хоть посуды немного. Ели с одной сковороды.

Как и предполагали, утром во дворе Варенька была одной из первых. А это значит, что самый лучший стол в гримёрной достанется ей. Ну, и пусть.

В театре меня отозвала в сторону миловидная, белокурая девушка. И скромно потупив взгляд, заговорила. А я пыталась вспомнить её имя. Вчера называли. Девушка говорила очень тихо, и мне пришлось прислушаться.

– Я понимаю, что не имею права настаивать, но у меня дочь, – говорила она.

– Стоп! – перебила я Ольгу, актрису нашего театра, которая пела в хоре. – На чём настаивать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.